

КРОВНЫЕ УЗЫ:

Принцесса по крови

Золотая лилия

Чары индиго

Пламенное сердце

Серебряные тени

Рубиновое кольцо

РАЙЧЕЛ
МИД

КРОВНЫЕ
УЗЫ

МОСКВА
2024

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44
М57

Richelle Mead

THE FIERY HEART: A BLOODLINES NOVEL

Copyright © 2013 Richelle Mead

Мид, Райчел.

М57 Кровные узы. Книга 4. Пламенное сердце / Райчел Мид ; [перевод с английского О. М. Степашкиной]. — Москва : Эксмо, 2024. — 448 с.

ISBN 978-5-04-186834-5

Сидни Сейдж приходится слишком многое скрывать от любимой младшей сестры Зои, которая теперь работает вместе с ней. Общение с колдуньями. Личную жизнь. Магические эксперименты. Зоя беззаветно предана миссии алхимиков и лично их властному отцу. Узнав любой из секретов сестры, она наверняка отвернется от нее. Есть ли у Сидни шанс показать Зое, что жизнь не ограничивается слепым служением?

Тем временем Адриан творит настоящие чудеса с магией духа — возможно, это поможет однажды получить защиту от стригоев. Но плата за достигнутое все страшнее, так что придется решить, стоят ли его удивительные способности безумия, которое приходит следом?

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44

© Степашкина О.М., перевод на русский язык, 2024
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2024

ISBN 978-5-04-186834-5

1

АДРИАН

Я не вру. Если парень заходит в комнату и видит, что его девушка читает книгу с названием «Имя для младенца», он вполне может получить инфаркт.

— Я не специалист... — начал я, тщательно подбирая слова. — Хотя, нет, наоборот. И я совершенно уверен, что нам нужно кое-что сделать, прежде чем тебе потребуется читать данное произведение.

Сидни Сейдж, вышеупомянутая девушка и свет моей жизни, даже не подняла взгляд, хотя на губах ее промелькнула улыбка.

— Я готовлюсь к инициации, — сообщила она будничным тоном, будто речь шла о походе в парикмахерскую или в булочную, а не о вступлении в ковен колдуний. — Мне требуется «магическое» имя, которое они используют во время собраний.

— Ага. Имя, инициация. Серые будни, да?

Чья бы корова мычала. Я и сам — вампир, обладающий поразительной и трудной для понимания способностью к целительству и умением подчинять людей, но...

На сей раз меня вознаградили настоящей широкой улыбкой. Лучи послеполуденного солнца, проникавшие в комнату, озарили глаза Сидни, и в них засверкали янтарные искры. Потом Сидни заметила стопку коробок у меня в руках, и ее глаза тотчас округлились.

— А это что?

— Революция в музыке, — объявил я, почтительно сгружая ношу на пол. Затем я открыл верхнюю коробку и включил проигрыватель. — Один парень продавал свои вещи в кампусе, и я решил, что это знак. — Я занялся следующей коробкой — уже с пластинками — и достал «Слухи» «Флитвуд Мэк». — Теперь буду слушать музыку в чистейшем, можно сказать, виде.

Похоже, на Сидни ничего не произвело впечатления. Удивительно для человека, считающего мой «Мустанг» 1967 года выпуска — Сидни назвала его Ивашкинатором — своего рода святыней.

— Лично для меня цифровая музыка неплохая. И зачем выбрасывать деньги, Адриан? Я запросто загружу все песни, которые есть у тебя на виниле, на свой телефон.

— А те шесть коробок, которые пока лежат в машине, туда тоже поместятся?

Сидни изумленно моргнула и насторожилась.

— Адриан, сколько ты денег отдал за кучу хлама? Я отмахнулся от вопроса.

— На платежи за машину у меня хватит. Впри-
тык. — По крайней мере, мне не надо было платить за квартиру — я уже позаботился об этом заранее, но у меня хватало и других счетов. — Кроме того, мой раздел бюджета на подобные расходы вырос, потому что кое-кто заставил меня бросить курить и урезал выпивку.

— Я забочусь о твоём здоровье, — лукаво заявила Сидни.

Я сел рядом с ней.

— А я — о твоём и борюсь с твоей кофеиновой зависимостью.

Мы заключили сделку и создали своего рода группу поддержки. Я бросил курить и пил не больше одной порции в день, а Сидни сменила свое маниакальное сидение на диете на рациональный подсчет калорий и пила только чашку кофе раз в сутки. Кстати, ей пришлось тяжелее, чем мне. Сперва я думал, что буду вынужден сдать ее в центр восстановления для кофеиновых наркоманов.

— Ошибаешься, — обиженно буркнула Сидни. — У меня такой стиль жизни.

Я рассмеялся, потянулся к ней для поцелуя, и, как всегда, мир исчез. Теперь не существовало ни названий книг, ни пластинок, ни дурных привычек. Осталась лишь она и прикосновение ее губ, мягких и одновременно обжигающих. Окружающие уверены, что Сидни холодная и уравновешенная. Только мне известно о скрытой в ее душе страсти и жажде — ну, еще и Джилл, девушке, которая может заглядывать в мой разум, поскольку мы связаны сверхъестественными узами.

Когда я укладывал Сидни на кровать, у меня в голове опять пронеслась мимолетная мысль о том, что мы намерены совершить нечто запретное. Люди и вампиры-морoi перестали смешивать свою кровь в Средние века, когда мой народ скрылся от чужих глаз. Мы сделали это из соображений безопасности, решили, что лучше будет, если мы сохраним наше существование в тайне от других. Сейчас и морoi, и простые смертные (разумеется, алхимики) считают подобные отношения неуместными, а некоторые —

дурными и извращенными. Но мне все равно. Мне плевать на все, кроме Сидни и ее прикосновений, сводящих меня с ума, хотя ее спокойствие и сдерживает бушующую во мне бурю.

Конечно, мы не выставляем наши чувства напоказ. Наш роман хранится в глубокой тайне, и нам приходится таиться и тщательно рассчитывать время. Но даже оно утекает сквозь пальцы. Сегодня мы действовали по спланированному сценарию. Последний урок у Сидни отведен под самостоятельные занятия. Снисходительный преподаватель позволяет ей уйти раньше, и у нее появляется возможность приехать ко мне. Мы тратим наш драгоценный час на поцелуи и объятия — или разговоры. Но чаще — на поцелуи, еще более неистовые из-за давления, под которым мы живем. Затем Сидни возвращается в кампус, как раз к тому моменту, когда ее прилипчивая и ненавидящая вампиров сестра Зоя влетает в их общую комнату.

У Сидни имеются свои внутренние часы, которые, наверное, оснащены сигнальным звонком. Я думаю, это часть ее врожденной способности следить за сотней вещей одновременно. Я так не умею. В данные секунды я, например, был поглощен исключительно тем, как стащить с Сидни блузку, и думал, получится ли снять с нее бюстгальтер. Увы, пока мне не очень везло.

Сидни уселась, раскрасневшаяся, с взъерошенными волосами. Она была настолько красивой, что у меня сжалось сердце. Мне всегда отчаянно хотелось, чтобы я мог нарисовать ее в такие мгновения и обессмертить ее взгляд. В ее глазах появляется нежность — настоящая редкость для нее, — а еще уязвимость человека, который привык вести себя сдержанно и рассудительно. Но хотя я неплохой художник, перенести Сидни на полотно мне не под силу.

Сидни надела и застегнула коричневую блузку, пряча бирюзовое кружево под консервативной одеждой, которую она носит как броню. Между прочим, недавно она провела ревизию своих бюстгалтеров. Я часто грустил, когда они скрывались из вида, но был счастлив знать, что они облегают ее тело — яркие, скрытые ото всех цвета ее жизни.

Когда Сидни подошла к зеркалу в моем шкафу, я воспользовался магией духа, чтобы проверить ее ауру — энергию, окружающую каждое живое существо. Краткий всплеск удовольствия от магии — и я узрел сияние вокруг Сидни. Все как всегда: желтый цвет ученого уравновешивал насыщенный фиолетовый страсти и духовности. Одно мгновение — и аура угасла, вместе со смертоносным весельем духа.

Сидни закончила причесываться и посмотрела вниз.

— Что это?

— А? — Я шагнул к Сидни и обнял ее за талию.

Затем я понял, что она нашла, и оцепенел. Сверкающие запонки с рубинами и бриллиантами. Тепло и радость в моей душе сменились холодной, но знакомой мрачностью.

— Мне несколько лет назад подарила на день рождения тетя Татьяна.

Сидни подняла запонку и пытливо на нее уставилась. Настоящий знаток!

— Они стоят целое состояние. Они из платины. Продай их — и будут тебе карманные деньги. На все пластинки, какие пожелаешь.

— Я их продам не раньше, чем начну ночевать под мостом.

Сидни заметила произошедшую во мне перемену и забеспокоилась.

— Эй, я же пошутила. — Ее рука нежно коснулась моей щеки. — Все хорошо.

О нет. Мир внезапно сделался жестоким, лишенным надежды местом, опустевшим со смертью моей тети, королевы мороев и единственной из всех моих родственников, кто не осуждал меня. В горле у меня встал ком, а стены будто сдвинулись. Я вспомнил, как Татьяну закололи. Кровавые фотографии с ее телом выставляли напоказ, когда пытались обнаружить убийцу. И неважно, что его арестовали и приговорили к смерти. Тетю Татьяну не вернуть. Она покинула меня, и я не мог за ней последовать — во всяком случае, пока. Я остался здесь — одинокий, ничтожный, мечущийся...

— Адриан.

Голос Сидни был ласковым, но твердым, и я медленно всплыл из пучины отчаяния, способного стремительно охватить меня и почти задушить. Я вырвался из тьмы, что возрастала год за годом — вместе с использованием духа. Вот цена за возможность владеть магическим могуществом. Что ни говори, а мои внезапные приступы с некоторых пор участились. Я посмотрел в глаза Сидни, и мир снова стал цветным. Я по-прежнему тосковал по тете, но Сидни, моя надежда и мой якорь, находилась рядом. Меня понимали. Сглотнув, я кивнул и слабо улыбнулся. Темная хватка духа отпустила меня. На время.

— Ничего, я в норме, — увидев сомнение на лице Сидни, я чмокнул ее в лоб. — Правда. Тебе пора, Сидни. А то Зоя не поймет. И ты опоздаешь на свое колдовское сборище.

Сидни еще несколько мгновений смотрела на меня с тревогой, но вскоре расслабилась.

— Ладно. Но если тебе что-нибудь будет нужно...

— Знаю. Звони по Любовному телефону.

Сидни просияла. Недавно мы с ней купили мобильники, работающие на предоплате, чтобы алхи-

мики (типы из организации, на которую работает Сидни) нас не засекли. Не то чтобы они постоянно прослушивали ее основной номер — но они определенно могли это сделать, если бы решили, что творится нечто подозрительное. А мы не хотели оставлять след из звонков и смс.

— Я приду ночью, — добавил я.

Сидни посуровела.

— Адриан, нет. Слишком рискованно.

У пользователя духа есть отличная возможность — он способен навещать людей в их снах. Это удобный способ поболтать, потому что днем у нас на разговоры вообще не хватало времени. Но как и всякие «фокусы», связанные с духом, такой род магии был сопряжен с риском для моего рассудка. Сидни даже пугалась моего дара, но я считал издержки малой ценой за шанс побыть с ней.

— Не спорь! — заявил я. — Я не намерен расставаться с тобой. А ты ведь хочешь знать, что творится у меня, верно?

— Адриан...

— Я ненадолго, — пообещал я.

Сидни вяло согласилась — вид у нее был отнюдь не веселый — и направилась к двери. Когда мы проходили через гостиную, она притормозила у аквариума, который красовался у окна. Улыбнувшись, Сидни присела и постучала по стеклу. В аквариуме жил дракон.

Я серьезно. Строго говоря, он именовался каллистаной, но мы редко использовали научный термин. Мы дали ему прозвище Прыгун. Сидни вызвала его из какого-то демонского царства, чтобы он стал ее помощником. Но, в основном, он стремился помочь нам избавиться от вредной еды в моей квартире. Я и Сидни были связаны с Прыгуном некими уза-

ми, и для сохранения здоровья ему требовалось, чтобы мы оба заботились о нем. Но после приезда Зои дракончик переселился ко мне. Сидни сняла крышку с аквариума и позволила золотистому чешуйчатому созданию взбежать по руке. Прыгун тарачился на нее с обожанием, и я хорошо его понимал.

— Я его ненадолго усыплю, — сообщила она. — Как ты смотришь на перерыв?

Прыгун мог существовать в своем натуральном, живом виде или превращаться в статуэтку — очень удобно на случай визита посторонних. Впрочем, преобразить каллиста могла лишь Сидни.

— Отлично. Он пытается съесть мои брюки. И ему незачем глазеть на то, как ты целуешь меня перед уходом.

Сидни почесала дракончику шейку и произнесла заклинание, обратившее его в камень. Так все гораздо проще, но, опять же, каллистане необходимо иногда пробуждаться. Ну и я сам привязался к прыгучей мелюзге.

— Я заберу его, но обязательно верну, — сказала Сидни, пряча статуэтку в сумку.

Я кивнул. Пребывание рядом с Сидни было ему полезно.

Освободившись от взгляда глаз-бусинок, я подарил Сидни на прощание долгий поцелуй. Мне не хотелось, чтобы он прекращался, и я заключил лицо Сидни в свои ладони.

— План побега номер семнадцать, — шепнул я. — Сматываемся и открываем бар с соками в Фресно.

— Почему в Фресно?

— Мне кажется, народ прямо умирает от жажды.

Сидни промолчала, но ответила на мой поцелуй.

Подобные планы стали для нас дежурной шуткой — они всегда были дурацкими и нумеровались

безо всякого порядка. Обычно я сочинял их в одну секунду. Впрочем, я не сомневался, что были даже более реальны, чем любая из наших перспектив. И Сидни, и я до боли остро осознавали, что у нас есть лишь настоящее, а будущее скрыто в тумане.

Прекратить второй поцелуй оказалось непросто, но в конце концов Сидни это удалось. Она покидала меня, а я смотрел ей вслед. Теперь моя квартира сделалась темнее.

Я принес из машины остальные коробки и принялся копаться в сокровищах. Большинство пластинок относились к шестидесятым и семидесятым годам, но попадались и экземпляры из восьмидесятых. Они лежали кучей, бессистемно, и я не пытался разобрать их. Хотя Сидни и заявила, что их покупка — бессмысленный поступок, она не удержится и рассортирует винил по исполнителям, жанрам или по цвету конвертов. А я перетащил проигрыватель в гостиную и выбрал пластинку наугад. Мне попались «Дип Пёпл», «Машин Хэд».

У меня была еще пара часов до обеда. Я присел перед проигрывателем и, уставившись на пустой холст, гадал, как быть с моим домашним заданием — а задали нам нарисовать автопортрет. Не обязательно свое точное подобие. Он мог быть и абстрактным. Да каким угодно, лишь бы он выражал меня. И я почувствовал себя загнанным в тупик. В принципе, я способен орудовать кистью. Хотя я не в силах передать тот восторженный взгляд, каким на меня смотрит Сидни, когда я обнимаю ее, но я могу изобразить ее ауру или цвет ее кожи. Я могу нарисовать мечтательное, нежное лицо моей подруги Джилл Мастрано Драгомир, юной принцессы мороев. Я могу сделать набросок пламенеющих роз в честь моей бывшей возлюбленной: она разбила мое сердце, но я до сих пор восхищаюсь ею.

Но себя самого? Я не представляю, как... Возможно, я впал в ступор художника или толком не знаю себя. Я пялился на холст, досадуя все больше, и сражался со стремлением отправиться к моему обделенному вниманием бару. Спиртное не обязательно улучшает творение, но обычно порождает вдохновение. Я буквально ощущал во рту вкус водки. Можно смешать ее с апельсиновым соком и притвориться, будто так она полезнее для здоровья. Пальцы мои сжались, а ноги чуть не понесли меня на кухню — но я сопротивлялся. В памяти всплыл пылкий образ Сидни, и я опять сосредоточился на холсте. Я могу быть трезвым живописцем! Я обещал ей, что буду пить раз в день, и я сдержу слово. Если честно, я особенно нуждаюсь в выпивке вечером — перед сном. Я плохо сплю. Я долгое время мучился от бессонницы, поэтому прибегал к любимым мерам.

Однако вдохновения мое здравое решение не принесло, и когда стрелка подходила к пяти часам, холст все еще оставался пустым. Я встал и потянулся, а прежняя тьма вновь нахлынула на меня. Она была скорее гневной, чем печальной, дополненной раздражением на свою неспособность справиться с заданием. Мои преподаватели твердили, что я талантлив, но я чувствовал себя раздолбаем и прирожденным неудачником, каковым меня считало большинство. Это очень меня угнетало, когда я возвращался мыслями к Сидни. Она — такая умница и легко добьется успехов на любом выбранном ею поприще. Даже если забыть о сложностях вампирско-человеческих отношений, я не раз задумывался — а что я могу ей предложить? Я даже выговорить правильно не могу половину тех вещей, которыми она интересуется, не то что потрепаться о них. А если нам когда-нибудь удастся свить гнездышко, она будет оплачивать счета,

а я — с горем пополам вести домашнее хозяйство. Но если она захочет, приходя домой, находить там красавчика, на это я, пожалуй, гожусь.

Страхи, которые грызли меня, усиливали дух. Не под всеми из них были реальные основания, но от них-то было трудно отмахнуться.

Я отложил работу и решил прогуляться в надежде отвлечься на что-нибудь. Садилось солнце, а зимний вечер в Палм-Спрингсе позволял обойтись обычной ветровкой. Наступили сумерки — любимое время вечера мороев — еще светло, но уже не настолько, чтобы чувствовать себя неуютно. Мы можем уживаться с солнечным светом, в отличие от стригоев, немертвых вампиров, убивающих ради крови. Их солнце уничтожает, и нам это на руку. В драке с ними нужно использовать любое преимущество.

Я направился в Виста Азул, пригород, находящийся в десяти минутах езды от центра города. Именно здесь располагалась школа-пансион Амбервуд, в которой учились Сидни и прочие члены нашей пестрой компании. Обычно роль шофера исполняет Сидни, но сейчас данная сомнительная честь выпала мне, поскольку Сидни торопилась на тайное собрание ковена. Когда я прибыл, ребята ждали меня на тротуаре у женского общежития. Перегнувшись через пассажирское сиденье, я распахнул дверцу и скомандовал:

— На борт!

Пассажиры набились в машину. Сегодня их было пятеро плюс я. Если бы не отсутствие Сидни, получилось бы счастливое число семь. Когда мы переехали в Палм-Спрингс, нас было четверо. Джилл, причина нашего пребывания в городке, скользнула на соседнее сиденье, одарив меня ослепительной улыбкой.

Если Сидни — главная утихомиривающая сила в моей жизни, то Джилл — вторая по важности. Ей